

понедельник среда **пятница**

НОВАЯ газета

№ 47 (3201) 30.04.2021 г.

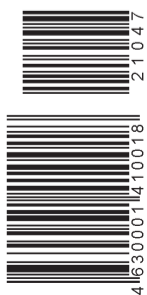
СПЕЦИАЛЬНЫЙ
ВЫПУСК

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ИНТЕРНАТ

Следующий номер
выйдет в пятницу, 7 мая

**В ЗАКРЫТЫХ ПСИХОНЕВРОЛОГИЧЕСКИХ
ЗАВЕДЕНИЯХ СЕГОДНЯ ЖИВУТ 177 ТЫСЯЧ РОССИЯН.
БОЛЬШИНСТВО ИЗ НИХ ТАМ И УМРУТ.**

**ЕЛЕНА КОСТЮЧЕНКО И ЮРИЙ КОЗЫРЕВ
ПРОВЕЛИ НЕСКОЛЬКО НЕДЕЛЬ В ПНИ.
ПУБЛИКУЕМ ОТЧЕТ ИЗ АДА**

ИНТЕРНАТ

За забором

Подходишь к забору и упираешься в забор. Он 2,5 метра высотой. Снаружи он покрашен в веселый голубой, с желтыми ромбами. Масляная холодная шершавая краска. У проходной выставлены бетонные емкости, летом там растут цветы.

Изнутри забор серый. Но это мы узнаем потом.

Снаружи к забору подступают серые многоэтажки. Там горят окна. Разноцветные занавески, движущиеся тени за ними. Ездят машины и автобусы. Светится стекляшка магазина.

Перед забором — широкий и глубокий ров с талой водой. Никто не помнит, давно ли тут этот ров, случался ли он, но ров функционален, засыпать его не планируют.

Из-за забора высовываются березовые ветки. Они уже поменяли цвет, весна. Дальше — темнота, белые стволы.

Здание стоит в темноте, в глубине. Оно построено буквой Н. В нем три этажа.

Оно напоминает школу или чиновничью контору, какие бывают в маленьких городах.

Город N — немаленький, крупный. Но район, где расположено здание, отдаленный, промышленный, немножко как отдельный город. Те, кто работает в здании, обычно живут неподалеку, здесь же.

Если зайти за здание (заходить можно не всем), можно увидеть еще несколько построек. Прачечная, котельная. В какой-то момент упираешься в металлические листы. За ними прячется пруд. Раньше к пруду можно было ходить — не всем, некоторым, но с тех пор, как в пруду утопилась девушка, пруд стал запретным, невозможным.

Впрочем, и березовые ветки видят не все.

Диаметр мира здесь определяется тем, как видят тебя другие.

Это ПНИ, психоневрологический интернат. Здесь живут люди с психическими и неврологическими диагнозами, от которых отказались близкие. Люди здесь живут до самой смерти, и на столе каждой медсестры лежит памятка «Действия в случае смерти проживающего».

Мы будем здесь две недели, мы гости, мы сможем уйти.

Нам выдают ключ — пластиковую ручку с четырехгранным металлическим стержнем. Им можно открывать двери и окна. Можно ходить между отделениями. Каждое крыло просматривается камерами и имеет букву и номер. 3-А, 2-Д, 1-Г, 3-ВГ. Ручки — главный символ власти здесь.

Первое, что ты чувствуешь, это запах. Он разный. Пища, моча, масло и хлорка, человеческий пот.

Здесь живут 436 человек. Лишь 42 из них дееспособные, остальные дееспособности лишены. Людей зовут «проживающие» или «клиенты». Есть еще аббревиатура ПСУ — получатели социальных услуг. Их имена написаны на комнатах. Персонал к ним обращается на «ты». Между собой их обозначают по фамилии.

Сотрудников нужно называть на «вы» и по имени-отчеству.

Из-за пандемии сотрудники тоже живут в интернате — вахтами. Вахта длится две недели.

Пандемия сократила жизнь в интернате до минимума. Нет кружков, нет дискотек, проживающие в разных отделениях не видели друг друга год. Сейчас официальная пандемия заканчивается.

Все очень измучены.

Коронавирус здесь шел лесным пожаром. Было три волны. Первая шла с конца апреля до середины лета. 141 человек заболел, семеро умерло в больницах. Вторая вспышка случилась в декабре, но ее удалось локализовать поголовным КТ-обследованием, и зараженных оказалось всего восемь. Третья волна пришла 1 января. Заболело 57 человек, четверо умерло. В интернате появилась красная зона.

Тех, кто умер и кого не забрали родственники, хоронил интернат. Прощания не было. Зала прощания на территории не предусмотрено.

Дискотека

— Уу! Уу! — несется снизу, из-под окна. Высоко, протяжно, как экзотическая птица. Это кричит Тася из отделения милосердия. У Таси бритая голова и синие глаза. Подушечка среднего пальца стерта до мяса. Она коротко воет, и ее вой слышен на всех этажах.

Сегодня наступает первая дискотека, и все взволнованы. Возвращается нормальная жизнь.

Сегодня впервые за год женщинам и мужчинам можно увидеть друг друга. Смешанных отделений в интернате всего два — реабилитации и милосердия, остальные разделены по половому признаку, и двери между ними запираются на ключ.

В отделении реабилитации — самом свободном — подбирают туфли. Туфли приносит сиделка Елена

Сергеевна — седая женщина в платке с добрым тихим лицом. Сейчас пост, и она постится: ест черный хлеб с солью, читает ребятам молитвослов.

Туфли выбирают Нине Баженовой — она будет петь. Она уже одета в фиолетовое платье из костюмерной и похожа на принцессу.

— Нет платьев, а юбки не лезут, — шепчутся в комнатах. — На живот не лезут.

— Кушать меньше надо.

— Колготки только со стрелками. Надеть?

В первом женском женщины натягивают черные шерстяные платья — как на похоронах. Те, кому не хватило платья, надевают новенькие спортивные костюмы.

Зульфия неровно красит огрызком помады губы, и губы становятся красными. Люба надевает сережки с зеленым стеклом, которые подарила медсестра. Косолапый Саша из самого строгого отделения 3-А натягивает серый костюм. Костюм Саше велик, но зато

это настоящий костюм, как во внешнем мире. Внешний мир здесь называют — воля.

Елена Сергеевна уговаривает Аню надеть другие носки: «К празднику светленькое. Светленькие носочки». Аня хочет полосатые. Но Елена Сергеевна улыбчива и непреклонна. Идет дозором по отделению.

— Я не хочу, не хочу, — говорит Лиля. — Третье платье, все плохо.

— Сейчас мы подберем, — говорит Елена Сергеевна и лезет в шкаф. Она знает, что где лежит, потому что во время генеральных уборок (раз в две недели) сиделки пересматривают все вещи проживающих. Некоторые вещи выкидываются — на усмотрение сиделок и медсестры.

Елена Сергеевна, да и всем здесь известно, что Лиля встречалась со Славой — а Слава женился на волонтерке и вышел из интерната. Славу не осуждают — такая возможность, конечно. Но Лиле сочувствуют. На дискотеку Лиля не хочет. Но Елена Сергеевна говорит, что мероприятие общее и надо идти. Выгоняют и Веру, которая наконец решила покрасить волосы.

В зал (проветривали, но все равно пахнет гнилыми полами) отделение реабилитации заходит первым. Ряды стульев. Стены выкрашены зелено-желтой краской, на самой большой — бумажные буквы «Приветствуем участников смотра-конкурса».

Подтягиваются другие отделения. Сиделки закатывают несколько колясок из отделения милосердия и ставят в первый ряд. Клоки волос торчат за ушами — обрили, но плохо, неровно.

Сотрудники легко отличимы: они одеты в маски и халаты.

Мужчины перемешиваются с женщинами. Сидят, взявшись за руки, говорят вполголоса. «Как я хорошо чувствую, что ты здесь», — говорит Оля Олегу.

Появляется энергичная блондинка с листочками в руке.

— Все помнят, как меня зовут? Наконец-то мы вместе! Давайте поаплодируем!

Она набирает воздуха и выговаривает:

— На календаре — весна. В душе — весна. Что же такое весна? Это прекрасное время любви. Любви

подвластно все! Любит каждая букашка-таракашка... Соскучились по танцам?

Но до танцев еще долго. Сначала выходит талантливый санитар с песней: «Здесь ГБУ! Здесь ПНИ! Семья большая, мы все свои».

Потом загадки: «По утрам поют — кто? Птицы! Бегут шумные веселые? Ручьи!» Нужно назвать весенние месяцы, сказать скороговорку («На поляне над ромашкой жук летал в цветной рубашке»), отгадать насекомых, которые живут группами.

Нина-принцесса берет микрофон. Ее фиолетовое платье светится среди желтых стен.

Я давно уже тебя люблю.

Отчего ж любовь мою

До сих пор не замечаешь ты?

И не даришь мне цветы?

Цветет калина в поле у ручья!

Цветет черемуха, и только я

Скучаю без любви твоей!

Еще несколько выступлений — и наконец включается музыка.

Половина зала высыпает на танцпол. Половина остается на стульях — есть время побыть вместе и поговорить. Одна пара пытается выйти в коридор, но путь им преграждают санитары.

Люди отплясывают как могут. «Радоваться жизни самой! Радоваться вместе с тобой!» Невысокий парень обнимает девушку, водит руками над ее головой. Целует ее пальцы.

— Пандемия разлучила любящие сердца! — кричит блондинка. — Не у всех есть мобильный телефон! И — медленный танец!

Пожилая пара, он неспешно ведет ее. На ней умелый макияж и голубое платье, длинные серьги свисают до плеч, она идет королевой.

Девушка жарко шепчет на ухо другой. Парень целует женщину.

Ко мне походит крохотная девушка. Берет за руку. «Я вас люблю. Как вас зовут?»

Медленный танец закончился. Но пары не расходятся. Танцуют под быстрое, дерганые движения. Успеть, успеть, музыка скоро перестанет. Пространство между парами одинокие танцующие деликатно стараются не занимать. Лишь блондинка-ведущая скачет между ними и аплодирует им прямо в лицо.

Девушка с синдромом Дауна в красной блузке вращает бедрами. Вместе с ней пляшет бритая девушка на коляске. Ее подругу увозят — коляска ей не подходит, болит спина, она больше не может сидеть.

— Перестань, Зайка, — говорит Саша Яне. Они сидят на стульях. — Не ругай меня.

— Иди чеши! Танцуй!

— Зайка.

— Медленный танец! — объявляет блондинка.

— Это не мой парень, мы просто так, — говорит Яна, выбираясь на танцпол.

Стриженный Дима танцует со стриженной Аней и не может оторвать от нее глаз.

Дискотека длится полчаса. Дискотека бывает по средам.

← СТРАНИЦЫ 2-3

Первое женское

— Чтоб ты сдохла! Главное — чтоб ты сдохла! Сдохни, сдохни, сука!

Это из палаты напротив моей. Аглая — старуха с воронным носом и темными глазами навывкате. Она всем желает смерти. Все привыкли.

Мое отделение — отделение №1. Оно гигантское, разделено на два крыла — женское и мужское. В моем крыле живет 41 женщина.

Свет включается и выключается снаружи комнаты. Ручек нет ни на двери, ни на окне. Нет и розеток. Их нет и в других комнатах. Розетка — одна, у телевизора, под присмотром медсестры. Заряжать нечего: на 41 женщину приходится всего три телефона, и они хранятся у соцработника. Телефон выдают по вторникам и пятницам, после полдника, на полчаса.

Здесь встают рано — в семь уже все на ногах. Хочется курить. На стене — график курения: 9:30, 13:30, 16:30. В день раздают по пять сигарет. Мужчинам раздают 10, но зато у мужчин нет «раздатка» — комнаты с кипятком. Бойлер привозят и увозят. Поэтому если им хочется пить после семи вечера, они пьют из-под крана.

Я выбираюсь к зарешеченному балкону. Там уже стоит Олеся — бывшая учительница русского и литературы. У Олеси темные волосы и льдистые глаза. У Олеси сегодня день рождения. У Олеси шизофрения. Она разговаривает поговорками и пословицами.

— Чего топчешься, давай быстрее, — меня толкают в спину. — Заметят.

Натягиваю куртку и выхожу. Холодно. Женщины курят в халатиках. Уловка-22: курить запрещено без верхней одежды, верхняя одежда закрыта на ключ под замком и откроется только по графику. Хранить верхнюю одежду в своей комнате нельзя. Курение вне графика карается. Можно лишиться сигарет на день, причем лишают не только провинившуюся, но и все отделение.

Закуриваю свое. Все остальные курят LD — вонючие сигареты из красной пачки. Сигареты есть не у всех, несколько бабушек топчутся в надежде, что им оставят затынуться. Они скурили свое, а запаса нет. Бабушек игнорируют. Сигареты не стряхивают — счищают пепел пальцами.

— Мы тут как политзаключенные, — говорит Олеся. — Потому что наша тюрьма без срока.

Она шуруется на облака и говорит: «Я надеюсь, что на моей день рождения будет солнце».

Меню наклеено на двери бытовой. На завтрак — «Каша дружба молочная вязкая».

По телевизору в облицованном плиткой холле идет «Котенок Гав».

— Когда я вырасту, мне тоже подарят намордник.

— А зачем он тебе?

— Чтоб я не кусался.

За полчаса до завтрака все выстраиваются перед запертой дверью. Стоят. Бритая женщина — один передний зуб в провале рта — садится на корточки, смотрит в пол. Я наконец рассматриваю их. Длинные волосы только у Олеси. Потому что Олеся иногда выступает на сцене, длинные волосы — красиво и нравится гостям интерната. Пара каре, пара стрижек. Остальные, включая бабушек, обриты.

Женщины рассматривают меня.

— Какие у тебя красивые зубы. Какие красивые зубы бывают, — наконец произносит одна.

В столовую ходят не все. Восемь человек завтракают в отделении. Лежачие, слепая и те, кто поражен в правах за буйный нрав.

Двери открываются, поток течет по лестнице. Три женщины выстраиваются вдоль стеночки — ждать мужчин из крыла напротив. Их дверь тоже открывается, потоком выходят мужики. Пары быстро целуются, идут до столовой вместе. Короткое время, когда можно вместе. Еще прогулки в «садики» (если повезет и мужчин выведут одновременно с женщинами) и дискотеки — по средам.

Про отношения здесь говорят — «дружатся».

Мужчины и женщины передают друг другу кулечки и записочки. В кулечках — кофе (абсолютная драгоценность) и чай (вторая местная валюта, конвертируется в курево по курсу пять пакетиков за сигарету), записки. Те, кто дружатся, подкармливают друг друга.

Пытаюсь намазать масло, но масло оказывается не маслом. Съедаю другой кусок хлеба, выпиваю напиток бурого цвета — без запаха, но теплый и сладкий. От каши отчетливо пахнет хлоркой. «Это запах чистоты и здоровья», — говорит главврач, проходя. Он, кажется, обиделся, что я не ем кашу. Этот ПНИ гордится своей кухней. Полагается маленькая груша, и я вгрызаюсь в грушу.

Когда возвращаюсь, женщины одна за другой заходят в комнату и кладут мне груши на стол. Это способ подружиться. Со мной хотят дружить. Я из внешнего мира, у меня есть сигареты и телефон.

— Роза, жуй! Жуй пока кашу, мясо потом будешь жевать.

Роза — хрупкая неходячая старушка с прозрачными глазами — жует. Ее кормит Люба. До интерната Люба работала на скотном дворе. Люба перечисляет свои бывшие богатства: муж, дочка, мама, папа, свекровка, свекр, племянник, племянница, кролики, гуси, жеребцы Хорек и Лентяй и пять коров — Ночка, Марта, Кукла, Зорька, Зорька. Сейчас у нее есть бижутерия, которую ей дарят медсестры, кассетный плеер с севшими батарейками и пять кассет к нему, включая «14 недель тишины» Земфиры. Фото мужа и дочки. «Осталась только память и больше ничего», — говорит Люба, пихая ложку в рот Розы.

— Мало зубов, бывает, пальцы кусает. Куда за щеку! Люба тыкает в щеку Розы.

люльна администрации, и если надо кого-то скрутить и поддержать — скрутит и поддержит, Настя сильная.

Выясняется, что при мне сиделки вынуждены мыть полы сами, а не нанимать проживающих, как обычно, за сигарету. Лишняя сигарета — это отдраенный коридор и санузел. Сиделка зла и загоняет женщин к телевизору. «Мне что, в штаны срать?» — объявляет Люба и скачет на пятках по помывому. «Дождешься сегодня укола!» — обещает сиделка худенькой женщине, не вовремя вышедшей из палаты, и та семенит, заходит в чужую палату. Она никогда не сидит у телевизора, она изгой.

Зато сегодня не будет обхода заведующей отделением — высокой и громкой, как гренадер. Когда-то она была директором этого интерната. Мне при знакомст-

— Она набивает за щеку, потом лежит и жует. Лежа не даю жевать. Подавиться может.

— Я тебя в могилу уведу! — завывает Аглая из коридора.

— Я так бы и за мужем ухаживала, чем за чужим человеком.

Ее муж умер несколько лет назад — после того как навестил ее и передал телефон. Хоронили его друзья. О похоронах Люба узнала потом. Могилу мужа никогда не видела — «кто меня отпустит туда поплакать».

Медсестра уже раздает таблетки. Женщины выстраиваются в очередь. Открывают рот, как галчата. Если поймают на том, что ты не проглотила таблетку, в следующий раз ее разведут в воде. Если ты отказываешься пить разведенное, будут уколы. Если будешь выкручиваться — поедешь на К. или И., психушки.

Одна крупная женщина обходит очередь и встает вперед. Это Настя. Веселая, сильная — главная в отделении. У нее пульт от телевизора. Переключать каналы может только она и тот, кому она разрешает. Еще она не пользуется своим шампунем — берет чужой, по выбору. Перед Новым годом она отобрала конфеты у самых слабых и продавала всем желающим за сигареты. Зато она

ве она объяснила, что Россия должна обороняться от Китая, а «мужчина Вайбер всех поймал в свои сети». Если заведующая не придет, можно не прятать иконки. Почему-то она не любит иконки и норовит их выкинуть.

Иконки раскладывают на подоконниках. Молятся тут, стоя на коленях перед окном, едва прикрыв дверь.

Одной остаться невозможно. В каждой палате — по три-четыре человека. В туалете — две кабинки, где все время кто-нибудь сидит. Двери в туалетах запираются — но их никто не запирает. «Мы привыкли».

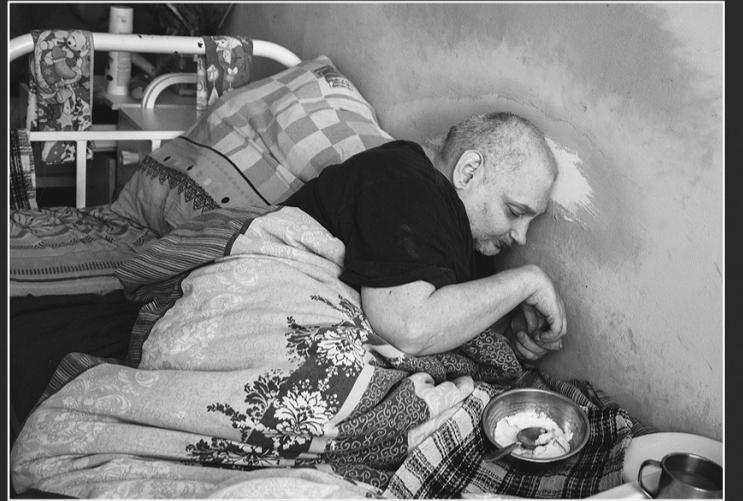
Женщины ждут сигарет, нервничают. «Забыли про нас, забыли». Наконец приходит медсестра, исполняющая обязанности старшей. Женщины окружают ее кольдом. Она раздает по две сигареты в протянутые дрожащие руки.

Все бегут на балкон.

Окружают ведро для окурков. Нельзя, чтоб пепел упал на пол.

Курят быстро.

Старухи вырывают фильтры, чтоб крепче, и Олеся говорит: уродуют сигареты.

ИНТЕРНАТ

ИНТЕРНАТ

Известно, что вчера Олесе пришла богатая передача: чипсы, минералка, газировка, кофе. И настоящий торт. К ней тянутся ходоки — за кусочком.

Олеся уже разделила — треть торта любимому Жене, 11 лет вместе. «Мы пели дуэтом на концерте в 2014 году, — говорит Олеся. — С тех пор, правда, не пели. У него была гитара. Так санитар эту гитару выкинул и сломал — потому что из нее таракан выполз».

Торт дает, конечно, не всем. Обиженные называют Олесю шалавой, но негромко — вдруг Олеся передумает.

Наступает время, когда мы можем выйти из здания. Пойдем ли гулять? Это решает старшая медсестра. Старшая медсестра не любит осадки, не терпит мокрую обувь и мокрые куртки. С утра шел дождь, но дождь прекратился, а лужи? Что медсестра решит про лужи?

Гулять идем! С мужчинами!

Небольшая давка в гардеробной. Курток столько же, сколько женщин, но не все из них исправны: где-то сломана молния, где-то нет пуговиц. Есть только одна куртка большого размера, а больших женщин три, в итоге одна вырывает куртку и уходит, остальные натягивают плащи и надеются, что медсестра не заметит и выпустит. Шапок тоже не хватает, и кто-то кутается в платок.

Все вещи с изнанки подписаны белым — ОО1, это номер нашего отделения.

Олеся выбирает между белыми нарядными сапогами и черными удобными. Решает — белые нарядные.

Ручкой-ключом открывают дверь на лестницу. Лестница ведет в «садик» — прогулочный дворик, замкнутый между ножками корпусов и перемычкой. Выход из дворика загорожен решеткой, закрыт на замок. Две беседки, одна курящая, и восемь берез. 124 шага по периметру. Дворик наполовину покрыт льдом, наполовину залит водой. Скользко. Бабушки сразу направляются в беседку подальше и садятся, вытянув толстые ноги.

Кто-то решается ходить кругом.

Мы идем в курящую беседку — мы богатые. Из корпуса выходят мужчины. Женя не выходит, и Олеся в ярости. Обращается к Юре:

— Ты ему скажи — я с ним расстаюсь. Кофе дала ему! Чего, пьет кофе с мужиками? Дочит, что ли? Думала, он воздухом подышит. Мне лично уже надоело через решетку на мир смотреть. Что он думает — я у него сигареты просить буду? А у меня свои есть! Сигарет пожалел, сигареты дороже, чем я. Вот Настя сказала: всем апрель — никому не верь.

Юра кивает и целует Марину. У Марины свинцовые волосы до плеч и красные щеки. Голоса ей говорили, что ее будут кормить, а она будет рожать и рожать. Голоса говорили ей, что вместо молока из ее груди будет литься йогурт и сгущенка.

Юра засовывает руку ей между ног. Марина говорит:

— Давай лучше покурим.

Юра кивает и достает две сигареты — себе и ей. Я думаю, что у мужчин здесь, как и во внешнем мире, больше финансовых возможностей. Смеюсь, и Олеся говорит: нельзя смеяться, если никто ничего не сказал, кончишь, как мы.

Юра мнет Маринину грудь, Марина смущенно охает.

— Чуть ли не ***, — говорит Олеся. — А летом он тебя будет раздевать и ***.

Марина и Юра целуются. Женщина сбоку уточняет, видела ли я драку из-за курток, и говорит, что куртки на складе есть, «но их жалеют на нас». «Зато перед вашим приездом раздали костюмы спортивные новые, а некоторым и платья достались».

Рядом одна старуха пытается занять сигарету у другой: «Я тебе отдам. Христом клянусь, отдам к ужину, выручи».

— Мы с Женей 11-й год вместе, — говорит Олеся. — У нас и секс был, он ко мне проскальзывал в палату общего наблюдения. Он цыган, цыган настоящий! Цыганский язык знает, шпарит только так. Слушай: ту миро де вел — ты мой бог. Ту миро рап — ты моя кровь. Нос — наг. Глаза — ягха. У меня склонность к языкам!

Каждая скамейка занята парочками. Те, кому не хватило места, гуляют по кругу, поскальзываясь на льду. Есть выбор: гулять по часовой или против часовой.

— Ладно, не говори, что расстаемся. Юр, слышишь? Скажи: Олеся обиделась, что он не вышел погулять. Я его крабовыми палочками с майонезом накормить хотела еще, Настя б насыпала майонезу. Думаешь, у меня нету сигарет? В сигаретах не нуждаюсь пока. Я ему и кофе дала, и колбасы дала, и чайку дала. С мужиками, наверное, празднует. А может, артрит. Может, обострение в связи с такой погодой?

Орут от двери — прогулка закончена. 50 минут внешнего мира истекли. Топаем по лестнице. Мужчина целует женщину — уже в отделении, и санитарка отталкивает мужчину, и он торопится уйти.

По телевизору показывают, как сумасшедший прижимает нож к горлу женщины, бабушки ржут. Реклама. Кофемашины. Красивые люди. Бижутерия. Новости.

Колченогая Катя (инженер на радиозаводе, шизофрения, 26 лет в интернате, пыталась покончить с собой, но только сломала ноги и лишилась дееспособности) спрашивает: «Лен, когда Путин говорит, он на всех смотрит?»

Мне кажется, только на меня. Это по болезни? Или может быть по-настоящему?»

Нас выпускают на обед. Олеся дожидается Женю.

Спрашивает грозно:

— Чего, перепил кофе моего?

— Кефир давали холодный вчера. Горло. Прости меня, любимая, — говорит Женья. У него золотые зубы, и он совсем не похож на цыгана.

Обед. На обед — теплый суп, печенка, салат и макароны. Печеночное месиво, листики капусты и макароны свалены в одну тарелку. Ковыряюсь под осуждающим взглядом главврача. Люди едят быстро, буквально заталкивают в себя еду. Потом я понимаю причину такой спешки: внизу есть бесплатный таксофон, к таксофону короткая нервная очередь. Звонить отсюда можно только на городские. Выходящие санитары загоняют неподзвонивших обратно в отделение — пора запирайте двери.

Полы моются во второй раз, сиделка в ярости работает шваброй. Ей придется мыть и в третий раз, на ночь.

Люба торопится кормить Розу, но из другой палаты доносится жалобное «Любочка». Лежащая старуха просит поменять памперс.

— Ой ***, сука, накормлю говном, — приговаривает Люба, засовывая старухе руку между ног. — Где он мокрый? Он не протек даже.

На лежащих положено три памперса в день. «Если сильно мокро, меняю, или когда серут, меняю. И один раз вечером, после ужина, меняю. Они глупые, не говорят об этом. Проверять надо — утром, вечером и в обед. А она сухая, чего врет? Даже если и пописала, можно и еще пописать в него».

Девчонки потихоньку собираются на праздничный кофе у Олеси. Не все: избранный, отобранный круг, шесть человек. Есть проблема — ушла медсестра, закрыв раздаток с кипятком. Поэтому горячая вода наливается из-под крана.

— Мне тоже открой конфету, Олесенька!

Наводят кофе. Женщины пьют маленькими глоточками — одна кружка на двоих. Кружки одинаковые, их помечают наклейками от фруктов. В очередь берут чипсины из открытого пакета. Торта уже не осталось.

— Маленько чего-то грустно на душе от прожитых лет, — произносит Олеся. Но женщины сосредоточены на еде.

— Вот гранат — камень весов, — продолжает Олеся. — А у меня самый лучший камень. Бриллиант, алмаз или горный хрусталь.

— Какой кофе душистый, ароматный, даже что в холодной воде, — откликается одна из женщин.

— Так это почти 300 рублей стоит — «Черная карта!» Я такую банку пила, — говорит вторая.

— А вот знаете, что бывает? — говорит Олеся. — Мороженое «Гляссе Анжелика». Кофе, а сверху мороженое и взбитые сливки. В «Лабиринте» была сколько раз. Там кабинки отдельные, с мороженым. Приду, кофе закажу с коньяком. С бальзамом и сигаретку закурю. Музыка тихая играет.

— Таблетки пошли принимать! — кричат из коридора. Женщины разом поднимаются и выходят.

— День рождения — грустный праздник, — говорит Олеся. — Вот и все.

После таблеток раздаются еще две сигареты, и женщины бегут на балкон. Утреннего напряжения больше нет, и старухам оставляют покурить несколько затяжек.

Обсуждаются самоубийства и способы самоубийств. Сходятся на том, что в интернате можно только вешаться — ни одного удачного прыжка из окна за всю историю. «Даже если вниз головой прыгаешь, все равно приземляешься ногами. И парни наши, которые летом прыгали, тоже на ноги упали. Даже не пытайтесь», — говорит Катя-эксперт.

По телевизору показывают МУЗ-ТВ — парень-альпинист обрывает веревку и падает в красиво прорисованную долину.

Крик несется от туалета. К туалету спешит медсестра, но не успевает — выходит довольная Настя, а за ней выскакивает худенькая женщина, которую утром гоняла санитарка.

— Так это Парамонова, — выдыхает медсестра. — Парамонова! Сейчас я тебя врачу показывать буду!

— Завизжала, как будто режут, — смеются старухи.

Настя смеется, вокруг нее — кружок из девочек.

— Я в туалете сидела. Эта мне перед лицом начала руками крутить. Вот и *** ее! Она еще днем ко мне ходила. Я тебя когда-нибудь урою, эй! — говорит Настя.

— Начала меня бить по лицу! — говорит Парамонова медсестре и плачет.

— Да ты всех провоцируешь! И никто тебя не бил, — отвечает медсестра, хотя хвалящуюся Настю слышно на весь коридор.

— Черные вороны закрывали белую! — говорит Парамонова и взмахивает руками.

— Иди-ка к себе! — говорит медсестра и уходит.

Возвращается с другой медсестрой, у той в руке шприц. Парамоновой собираются ставить укол, так как она «возбу-

ждена». У каждой в листе назначения указано, что колоть при возбуждении. Парамоновой будут колоть аминазин.

— Это витамины, — говорит медсестра.

— Я не буду делать укол, я уйду!

— По назначению врача, — говорит медсестра. — От твоего основного заболевания.

— У меня нет заболевания! — говорит Парамонова и выскакивает из палаты. Забегает в туалет.

— Позови санитару, — говорит медсестра сиделке.

Та кивает.

Санитар — здоровый детина — встает перед дверью туалета и косится на меня. «Я ж не пойду в туалет за ней».

— Да не будет она вечно там сидеть. Подождем, — отвечает медсестра со шприцом и тоже встает у стены.

— И в столовой плохо вела. И Настю ударила, — говорит вторая. — Потом (она обращается ко мне) весна, обострение, а у нее при обострении начинается экзема. Ноги себе расчесывает.

— Тут же как детский сад. Терпения надо очень много. Не все выдерживают. Вот я вижу — вам жалко. А с ними надо поостороже.

Парамонова выходит из туалета. Оглядывает санитару и медсестер.

— Я сама пойду. Я сама пойду, — говорит.

Идет сама. За ней идет женщина со шприцом. Санитар остается стоять в дверях.

Когда я заглядываю в палату, Парамонова лежит, укрывшись одеялом, лицом к стене. Она не шевелится.

По телевизору показывают новости из внешнего мира. На ужин картофельно-морковное пюре и рыбная запеканка.

Я захожу в свою палату, но не остаюсь одна. Ко мне по одной заходят женщины — звонить своим близким. Им страшно — звонить с чужих телефонов запрещено. Набирают номера с истертых бумажек. Желают здоровья. Ахают на их беды. У Любы брат, оказывается, в больнице, и Люба плачет в трубку: «Пусть он не умрет». Олеся угваривает дочку, что та может тратить всю ее пенсию, если она ее заберет из интерната. Дочка говорит, что вначале ей нужно разобраться с работой и долгами. «Пожалуйста, приди ко мне на Пасху с Сонечкой. Я тебя два года не видела», — просит Олеся.

Крохотная женщина пытается дозвониться (сбрасывают) и просит написать СМС.

«Ваня, это мама, ответь».

«Я на работе. Не могу».

Все уходит непойманными.

В семь вечера в отделении гасят свет. По телевизору идет «Голос. Дети». Вечером говорить не хочется. Я выбираюсь на балкон. Там тихо стоят женщины. Мы курим и молчим. Светящиеся окна домов за забором кажутся такими же далекими, как звезды.

В дверь залетает медсестра и санитарка. Они орут, перекрикивая друг друга.

— Полураздетые!

— Курение согласно графику!

— Вы чего творите, а?

— А если температура?

— Завтра не получите сигарет!

— Это кто там сидит? Без колготок!

— Я одетая была, — одна из женщин торопится на выход.

— Одетая это как — вот так вот?

— Это кто там сидит? Кто в халате? Быстренько! Заканчивайте!

— Спать!

Женщины не торопятся выходить.

— Оставь мне сигарету! — просит одна.

— Мы как звери за решеткой.

— Нельзя курить голыми. Сами понимаете! — несется от двери.

— Совсем обнаглели! Страх потеряли!

— Сейчас же может быть и коронавирус, и гинекология! Врачей не хватает, в больницы не попадешь! А их тем более не берут, они психические!

— Екатерину Борисовну приведу! Вот вы попляшете!

— Завтра не получите сигарет!

Женщины аккуратно бычкуют сигареты и бочком выбираются в коридор.

— Сейчас добрая смена, они не скажут, не бойся, — успокаивает одна другую.

— Какой волнительный сегодня день, — говорит Олеся. Она спокойна — ей сегодня подарили целую пачку. Ей точно будет что курить.

Я просыпаюсь от чужого взгляда. Ночь. Кто-то копается в моей куртке на подоконнике. Седые остриженные волосы светятся от фонаря.

Я узнаю ее со спины — это бабушка, из тех, кто стоит в курилке в надежде перехватить окурков. Она никогда не говорит, только смотрит.

Я встаю и дотрагиваюсь до ее плеча.

Она оборачивается и отскакивает на середину комнаты.

↩ СТРАНИЦЫ 6-7

— Простите. Простите меня. Я забылась. Забылась. Не говорите. Я забылась, — и все больше сжимается на бок, шупает пальцами воздух, пытается опереться рукой на мою кровать. Никак не уходит.

Я не понимаю и пугаюсь.

Понимаю и пугаюсь.

Она пытается встать на колени.

Объявление на металлическом шкафу

В связи с участвовавшими побегами клиентов Санитарам смен сопровождать санитарок на прачку в утренние часы. Клиентов без надзора из отделения не выпускать!!! Нарушения отражаются в з/плате.

Администрация.

Вы спросите

Мальчик с гигантской фиолетовой гемангиомой на лице пишет большими печатными буквами на листке:

ПЕРЕВЕДИТЕ МЕНЯ ХРИСТА РАДИ
В ДРУГОЙ ИНТЕРНАТ
ИНАЧЕ Я ВАС ЗАМУЧЕЮ.
ЭТО СТО ПРОЦЕНТОВ
ВЫ МНЕ СЛОМАЛИ ЖИЗНЬ.
ВЫ СПРОСИТЕ СЛОМАЛИ?
КОНЕЧНО СЛОМАЛИ!
Я ВАС ЗА ЭТО ПРЕЗИРАЮ ЗАПОМНИТЕ!
ЗДЕСЬ ГЛУПЫЕ ЛЮДИ.
Я ХОЧУ БЫТЬ СВОБОДНЫМ
И НЕЗАВИСИМЫМ.
ЗДЕСЬ РАБОТАЮТ МОРАЛЬНЫЕ УРОДЫ.
МНЕ ВСЕ НАДОЕЛО В ЭТОМ ДУРДОМЕ.

Его способность писать на листке считается забавной. Его сосед по комнате может читать вслух «Евгения Онегина» — правда, не понимая смысла. В их комнату приводят комиссии, чтобы показать талантливых ребят.

Тема

Это единственное отделение, которое не открывает общий ключ, — его можно открыть только изнутри. Отделение 3-А пахнет мочой. Нам объясняют, что здесь самые тяжелые клиенты: «бегунки», агрессивные, возбужденные. Они не ходят в столовую, но некоторым позволено выходить на прогулку. Нам говорят не поворачиваться ни к кому спиной.

Я иду с Катей Таранченко, директором «Перспектив» — волонтерской организации, работающей с интернатами. Железная дверь — первая из многих, две дужки соединяет незашелкнувший замок.

На двери маленькое пластиковое окошко.

Катя заглядывает в окошко. Снимает замок и заходит внутрь.

Волна затхлой вони сбивает с ног.

Посредине комнаты стоит абсолютно голый парень. Худой, стриженный почти наголо, с синяками от уколов на попе. Он смотрит сквозь нас, но я почему-то не могу рассмотреть его лица. Из рта стекает ниточка слюны.

Кроме парня, в комнате две кровати, одна с матрасом. В углу — ведро.

Парень подходит к ведру, мочится и снова встает в середине комнаты. Он вытирает пах рукой, проводит рукой по волосам.

Медсестра вполголоса рассказывает: Артем Ш., тяжелый, жил с соседом, но сосед в больнице, живет один. «Он все рвет и ест. Съел подоконник, смотрите!» Угол окна расковырен.

— Как часто он выходит отсюда? — говорит Катя.

— Артем не гуляет, — подумав, отвечает медсестра.

— Где его одежда?

— Сейчас, — говорит медсестра и исчезает.

Артем раскачивается. Мажет взглядом по Кате, смотрит вверх.

Подходит к кровати, поднимает матрас. Достает трусы и носки.

— Спасибо тебе, Тема. А что, если ты оденешься? — спрашивает Катя.

Тема одевается. Я наконец могу рассмотреть его лицо. У него лицо волчонка из мультика. Бледный. Карие, глубокие глаза. Оттопыренные уши. Кажется, что ему 15 лет.

Возвращается медсестра, приносит штаны и майку. «Мы отбираем, потому что он все рвет. Даже простыни рвет. А простыни — это госимущество».

— Мы хотим с Темой погулять, — говорит Катя. — Когда у вас прогулка?

— Это только с разрешения врача. Я позвоню.

Она звонит и дает трубку Кате. Я слышу: «Грубодефектный. Он находится в наблюдательной палате. Не эндогенная — экзогенная. Слабоумие вро-

жденное. Бывают периоды длительных ремиссий. Вот так вот, к сожалению». Врач отказывает.

Катя возвращает трубку медсестре.

— Тогда мы ходим по отделению. Тема, у тебя есть обувь?

Тема забирается под кровать и достает сланцы. Обувается.

Мы выходим. Тема идет к двери в отделение. Дергает за ручку. Говорит: ы!

— Да, — говорит Катя. — К сожалению.

Мы проходим мимо других камер — там люди, люди, люди. Выходим к столам — здесь едят. Дальше комнаты — режим посвободней, те, кто живет без запора. В нас видят комиссию, и парень говорит, что у него выкинули пластиковые ложки. «Грязные!» — говорит медсестра. «Чистые были! Чем я буду чай мешать — пальцем?» Позже мне объяснят, что в прозрачном контейнере для личных вещей на подоконнике может быть только расческа, платочки, зубная щетка, паста и туалетная бумага — все остальное лишнее и выкидывается. «Но они постоянно пытаются что-то притащить, сохранить: то маску использованную, то бумажку, то листик с прогулки. Такие уж они».

Тема идет быстро, большими шагами и доходит до двери балкона. У Кати появляется идея.

Но вначале надо увести Тему в комнату и запереть за ним дверь. Тема идет следом за нами, снимает и прячет носки, ложится на кровать, отворачивается к стене. Катя молча выходит, и мне приходится самой продевать замок в дужки двери.

Назавтра мы идем к Семикрылому — лечащему врачу Темы. Семикрылым его зовут за приговорку «у вас одно отделение, а у меня семь крыльев!». На врача-психиатра приходится по сто пациентов, но во время пандемии приходят все четыреста. Выясняется, что Семикрылый работает неделю, Темы совсем не знает. Зачитывает из карты: «Поступил в ПНИ из детского дома-интерната. Мать была лишена родительских прав, отец умер. В возрасте 1,5 лет

ИНТЕРНАТ

упал из коляски. С трех лет изменилось поведение: стал от всех прятаться за кресла, под одеяло, бегал по кругу, непрерывно смотрел рекламу по телевизору. Стал меньше говорить, а затем совсем перестал, выдавливал содержимое всех тюбиков, перегрыз все провода. Во время занятий бегал по классу, рвал одежду на себе, ел цветы, тетради. Кричал, кусался». Нам удается выпросить разрешение вывести Тему на балкон. Врач раздражен. Он хочет спросить, зачем нам это, несколько раз начинает «а вот вы» — но не спрашивает.

Тема встречает нас одетым.

— Здравствуй. Ты молодец, Тема, что оделся. Я рада тебя видеть, — говорит Катя.

Мы идем к балконной двери. Катя натягивает на Тему куртку — и Тема помогает, вдевая руки в рукава. Катя дает ему шапку — и он натягивает ее на лоб, почти закрывая глаза.

Мы выходим на балкон.

Солнце. Многоэтажки, деревья касаются неба. Оглушительно пахнет талой водой.

Тема встает у решетки и дышит.

Оборачивается и смотрит на нас — впервые смотрит.

— Хочешь, я включу музыку? — говорит Катя. — Ты как к музыке, Тем?

Она включает «Зеленую карету» — колыбельную про то, как приходит весна. Тема садится на лавочку, а затем ложится, подтянув колени к груди. Он смотрит в небо сквозь решетку, дышит ртом.

Назавтра мы идем к Семикрылому снова. Мы говорим, что Тема себя очень хорошо ведет и можно попробовать выпускать его на улицу. Что мы будем рядом, и санитар будет рядом, и двор все равно зарешечен. Мы готовим много аргументов — но Семикрылый внезапно соглашается. «Под вашу ответственность. Я вам сказал, что я думаю».

Тема одет и ждет нас. Он тоже взволнован. Катя говорит: «Мы на улицу собираемся гулять. На улицу. Вниз, там, где земля. Сейчас пойдём. Но сначала съешь конфеты, чтоб побольше сил», и протягивает Теме конфеты.

Санитарка приносит одежду прямо в камеру и качает головой.

— А можно тут проветрить, пока нас не будет? — говорит Катя.

— Да. Сейчас, — санитарка достает ключ и открывает окно.

Катя хочет одеть Тему, но Тема уже одевается сам — натягивает штаны поверх пижамы, залезает в свитер. Катя показывает ему, как застегнуть молнию на куртке, и Тема вспоминает, как застегивать молнию. У него тонкие длинные пальцы.

Мы выходим в коридор, в коридоре полно мужиков в шапках. Они похожи на троллей — большие, неловкие, нестрашные. Когда их перестала бояться? Почему? Санитар открывает дверь ключом, и толпа спускается по лестнице, мы идем последними.

Тема неуверенно переступает со ступеньки на ступеньку, но спускается быстро, очень быстро.

Дверь открывается.

Перед нами замкнутый двор в 124 шага.

Солнце. Последний снег.

Косолапый Саша задирает голову на окно второго этажа. Там живет Яна — Сашина любовь.

— Конфет? Чего хочешь, зай! — кричит Саша.

— Я пошла купаться, — говорит Яна, но не уходит.

— Давай, моя!

— Я пошла топиться, — говорит Яна и не уходит.

Саша смотрит на нее и смеется.

— Утоплюсь! А я утоплюсь!

— Иди, иди, иди! — кричат мужики. Они задирают головы в одинаковых черных шапках, похожих на гномьи. «Ты куда с бычком пошел, ты!» — гаркает санитар.

Тема обходит двор. Обходит еще раз. У него лицо глубоко разочарованного человека. Он натягивает шапку поглубже на глаза, шагает все шире. Останавливается. Оборачивается к Кате.

— Ы! — говорит Тема. — Ыыыыыыы!

— Я понимаю тебя. Зато смотри, — говорит Катя и подводит его к решетке. Там, за решеткой, скалами высятся серые многоэтажки, розовые на свету.

Они стоят вдвоем. Потом Тема берет Катю за руку и ведет обратно к двери. Они поднимаются по лестнице. Дверь в отделение уже закрыта, но у нас есть свой ключ.

Тема заходит в отделение. Идет в свою камеру. Раздевается и укутывается с ног до головы.

Мы сидим рядом. Потом выходим.

На следующий день Тема ждет нас, стоя под самой дверью своей камеры. Он выглядывает в пластиковое окошко. Он одет.

Открывшая нам медсестра говорит Кате: «Вы, наверное, гипнозом владеете или чем-то таким. С тех пор, как вы к нему ходите, он ничего не рвет, не ест, что нельзя. Удивительно, как это у вас получается. Это же дар».

Катино лицо перекашивает. Я пугаюсь. Но Катя ничего не говорит, просто молча заходит в камеру. Открывает своим ключом окно — и в прощанную духоту врывается весенний ветер.

Катя оборачивается. Ее лицо уже спокойно.

— Здравствуй, Тема. Я так рада тебя видеть. Ты рад? Ты готов? Давай попробуем еще раз погулять?

Тема подходит к Кате, заглядывает ей в лицо. Протягивает руку.

— Да, я принесла, — говорит Катя. — Это сникерс. Ты ел сникерс? Это когда с орешками.

Тема выходит на улицу и сходит с тропинки, проходит по голой земле. Последний снег рассыпается кусочками. Тема садится на лавочку. «Смотри, Тема, какое там солнце горячее-прегорячее», — говорит Катя. Тема щурится на солнце из-под шапки, слюна вытекает. Я уже давно не видела слюну у него изо рта. Идет в беседку. Мужики двигаются, и Тема садится рядом с ними. Катя говорит: «Можно, я включу музыку?»

Мужики кивают.

Катя включает «Кардиограмму» Гребенщикова.

Что-то соловьи стали петь слишком громко;

Новые слова появляются из немоты.

Такое впечатление, будто кто-то завладел моим сердцем —

Иногда мне кажется, что это ты.

Губы забыли, как сложиться в улыбку;

Лицо ступевалось — остались только черты;

Вдруг что-то хорошее стало происходить с моим сердцем;

Ты знаешь, мне кажется, что это ты.

«Мне кажется, что это ты», — поет Катя Теме. И Тема улыбается. Сначала неуверенно, потом широко.

«Так приятно смотреть, как ты улыбаешься», — говорит Катя. Они улыбаются вдвоем.

Солнце плоско освещает летящий, кружащийся мир.

На следующий день Катя уезжает из города.

Баня

Баня происходит раз в неделю. Перед баней нужно одеться в байковый халат. Женщины берут с собой шампунь, у кого есть.

В предбаннике надо раздеться. Отсюда выпускают группками. Халаты и трусы скопом складывают в мешок. Олеся не хочет сдавать халат — новый, хороший, но халат отбирают.

Мы проходим в облицованное кафелем помещение. От входа смотрит медсестра.

— Кто помылся — выходите!

Душа два, голые женщины становятся в очередь. Под душ надо зайти два раза: промокнуть, затем подойти к санитарке, подставить ладонку под зеленое, пахнущее травой мыло из бутылки без маркировки, взять мочалку (мочалки общие и дезинфицируются), намылиться, намылить голову. Отстоять очередь, зайти под душ снова. По щиколотку плещется пенная грязная вода.

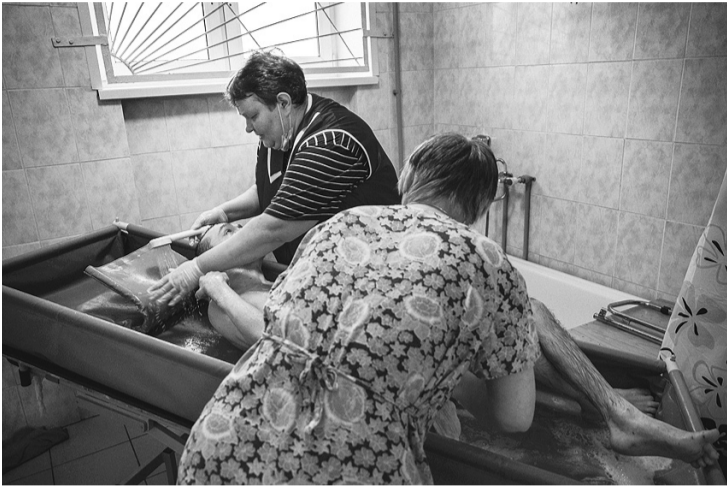
Женщины трут промежности, высоко поднимают груди. Я достаю бритву, и по залу проносится шепот. Бритвы запрещены. Те, у кого есть, их прячут. Вот так принести — наглость, такое тут впервые.

Тела, тела. Крупные, худые. Бритые головы, большие животы. Рассматриваем друг друга.

ИНТЕРНАТ

ИНТЕРНАТ

ИНТЕРНАТ

ИНТЕРНАТ

ИНТЕРНАТ

← СТРАНИЦЫ 16-17

Само отделение реабилитации было создано указом губернатора в 2001 году. Это отделение должно готовить людей к выходу из интерната.

За все это время (20 лет) «на волю» вышли четверо. Одна зашла и погибла, с одним потеряв контакт, еще двое женаты и работают.

Ваня живет в интернате два года. Ему 26 лет.

«На воле» он выучился на газосварщика, работал.

Я подробно перескажу его историю. Граница между волей и интернатом тонка до невозможности.

Когда Ване было 15, у него умерла мама. Через два года умер отец — зашил после смерти жены. Следом умерла бабушка. Так Ваня остался один. Ему принадлежала доля квартиры, в которой он жил: однушка отца и трешка бабушки. Недолго.

В дело вступила мамина сестра — риелтор.

Тетя попросила его перевести долю в квартире на нее — ее дочка хотела взять ипотеку, нужна была «помощь по-семейному». Ваня согласился. Затем потребовалось продать трешку, чтобы сделать ремонт в однушке. Ваня согласился и на это. Дальше была сложная история с покупкой дачи, продажей дачи, продажей однушки и переходом новой квартиры в собственность тети.

Ваня движение недвижимости едва замечал. После смерти всей семьи он «сбился» — курил спайсы, нюхал соль». Вспоминает, как танцевал под солями, как разбил чужую машину.

«Потом посмотрел «Гарри Поттер и Тайная комната». И подумалось — вдруг василиск есть на самом деле? Прямо загалгал. Ну и попал на И. — в психбольницу. И потом периодически я туда попадал. То вампиры почудятся, то еще что. Поставили шизофрению. А в больнице врач был. Тетя с ним общалась. Он ей говорит: «Лишай его дееспособности и отправляй в интернат». Она так и сделала. Я вначале попал на 2-Д. Как посмотрел, насмотрелся. Говорю ей: «Ты чего делаешь, забирай меня». А она мне: «Я боюсь ответственности. Вдруг чего-то натворишь, сяду за тебя в тюрьму». Навещает меня иногда. В квартире? Вроде квартиранты. А почему вы про квартиру спрашиваете?»

С тех пор, как Ваня не употребляет наркотики, галлюцинации ушли. Он все равно продолжает принимать препараты: циклодол, половинку галоперидола и на ночь две таблетки сонипакса. От препаратов он часто

моргает, но «уже привык». Врачи интерната сомневаются в диагнозе Вани. Но пересматривать шизофрению и ходатайствовать о возвращении ему дееспособности не спешат — с тетей-риелтором проще судиться, когда Ваня недееспособный.

Ваня встречается с Ниной — это та, которая пела в платье принцессы, та, которая «потеряла все», лишившись дееспособности. Она в интернате вечность — 15 лет. За это время она потеряла ребенка — тоже аборт, к счастью, без стерилизации, ранний срок, чистка, «меня не разрезали». У Нины есть мечта, что однажды они будут жить в своем доме. «Уехать к себе в сад и просто там жить. Чистый воздух, дом с русской печкой. Земля шесть соток, баня своя. Я за 15 лет не знаю, что там. Конечно, потребуются мужские руки. Ваня молодой, не сможет, конечно. Или сможешь, Вань?» Я успеваю подумывать, что и тут бывают обычные, обыкновенные мечты.

...А вечером тихого Диму (он скучает по маме и бормочет на вскрике «мама, мама») переводят из реабилитации на 3-А — за то, что обругал сиделку сухой. Он плохо говорит, но сиделка расслышала. Сиделка — та самая верующая Елена Сергеевна — позвала медсестру. Диме сделали укол, и с согласия психиатра Д., сменившего Семикрылого, отправили в изолятор с ведром в углу и замком снаружи. В медкарте, не особо стесняясь, написали «неправильно себя вел».

Елена Сергеевна, как православный человек, конечно, переживала, что так получилось. Говорила, что хотела Диму только напугать, и не ожидала, что медсестра будет колотить, — но медсестра, оказывается, уже была зла на Диму. Говорит, что всегда поминает «Димитрия с сиротами» в своих молитвах — и будет поминать, несмотря на то, что он ее оскорбил.

В реабилитации нет графика курения и можно взять любую из висящих на вешалке курток.

Через решетку балкона, через темный двор, через забор я вижу серую полосу, по которой едут спины машин. Я вижу огни магазина и тени людей внутри. Вижу подъезды многоэтажки. Из одного выходит мужчина в черном пальто. Останавливается и не спеша закуривает. Кажется, у него в ушах наушники — он пританцовывает под музыку. Делает движение рукой — и у одной из машин загораются фары. Он садится внутрь. Отъезжает.

Я знаю, что я для него тьма, слитая с тьмой. Я неразличима, мы неразличимы.

Что объединяет людей, оказавшихся в ПНИ? Что объединяет Тему и Свету, Ваню и Диму, женщин из первого отделения, женщин, лишившихся возможности иметь детей? Не диагнозы — они разные и, очевидно, не все из них верны.

Их объединяет то, что от них отказались их близкие. Их социальные связи оборваны или ослабли до неразличимости.

Когда исчезает человеческое, остается только государство.

Мое государство — это ПНИ. Не вакцина «Спутник-V», не Олимпиада, не космические корабли. Мое государство — здесь, я вижу его лицо.

Что я думаю после двух недель в ПНИ?

Что я лишь поскребла по поверхности ада.

Мы находились в интернате на специальных условиях. Мы попали за забор, с лицевой стороны выкрашенный веселыми ромбиками, на специальных условиях. По договоренностям, которые заключила «Новая газета» с руководством ПНИ, я не могу написать ни название учреждения, ни регион. Имена людей, которые там заключены или которые там работают, должны быть изменены.

Этому интернату недавно исполнилось 50 лет. По мнению волонтеров и местного министерства социальной защиты, этот интернат — не плохой и не хороший. Средний. Обычный.

В психоневрологических интернатах России сейчас содержится 155 878 человек. В специальных детских домах-интернатах — 21 тысяча детей, обреченных на ПНИ. Каждый 826-й россиянин проживет свою жизнь — так и закончит ее — там.

Ниже вы найдете адреса психоневрологических интернатов в ваших городах.

**Елена КОСТЮЧЕНКО,
Юрий КОЗЫРЕВ (фото), «Новая»
Город N, Центральная Россия**

«Новая газета» благодарит проект ОНФ «Регион заботы» и лично Нюту Федермессер за помощь в организации доступа наших корреспондентов в учреждения.

**В ЗАКРЫТЫХ
ПСИХОНЕВРОЛОГИЧЕСКИХ
ЗАВЕДЕНИЯХ СЕГОДНЯ
ЖИВУТ 177 ТЫСЯЧ РОССИЯН.
БОЛЬШИНСТВО ИЗ НИХ
ТАМ И УМУРТ**

ИНТЕРНАТ

**Редакторы номера: Надежда Прусенкова,
Георгий Розинский, Виталий Ярошевский**

www.novayagazeta.spb.ru

www.novayagazeta.ru

Наш адрес
в интернете:
NovayaGazeta.Ru

**Новая
газета**

**Обозреватели, специальные корреспонденты
и руководители направлений:**

**Илья АЗАР, Юрий БАТУРИН, Борис БРОНШТЕЙН,
Дмитрий БЫКОВ, Борис ВИШНЕВСКИЙ,
Александр ГЕНИС, Ирина ГОРДИЕНКО, Павел
ГУТИОНТОВ (истфак «Новый»), Елена ДЬЯКОВА,
Иван ЖИЛИН (редактор репортерской группы),
Андрей ЗАЯКИН (дата-отдел), Вячеслав ИЗМАЙЛОВ,
Павел КАНЬГИН (руководитель продюсерского центра),
Денис КОРОТКОВ, Елена КОСТЮЧЕНКО,
Алиса КУСТИКОВА, Юлия ЛАТЫНИНА,
Елена МИЛАШИНА, Владимир МОЗГОВОЙ,
Сергей МОСТОВЩИКОВ, Галина МУРСАЛИЕВА,
Ирек МУРТАЗИН, Леонид НИКИТИНСКИЙ,
Ирина ПЕТРОВСКАЯ, Алексей ПОЛИКОВСКИЙ,
Вячеслав ПОЛОВИНКО, Елена РАЧЕВА,
Ким СМИРНОВ, Алексей ТАРАСОВ,
Слава ТАРОШИНА, Марина ТОКАРЕВА,
Ирина ТУМАКОВА, Павел ФЕЛЬГЕНГАУЭР,
Вера ЧЕЛИЩЕВА, Наталья ЧЕРНОВА,
Ян ШЕНКМАН**

Мультимедиа:

**Анна АРТЕМЬЕВА, Ирина БЫКОВА, Влад ДОКШИН,
Виктория ОДИССОНОВА, Анна ПИНДЮРИНА,
Серафима СВЕРДЛОВА (Тик-Ток),
Глеб ШУЛЬЦ-ИВОНИН, Надежда ЮРОВА**

Собственные корреспонденты:

**Надежда АНДРЕЕВА (Саратов),
Татьяна БРИЦКАЯ (Мурманск),
Изоolda ДРОБИНА (Урал),
Мария ЕПИФАНОВА (страны Балтии и Северной
Европы), Александр МИНЕЕВ (Брюссель),
Ольга МУСАФИРОВА (Киев),
Александр ПАНОВ (Вашингтон),
Нина ПЕТЛЯНОВА (Санкт-Петербург),
Елена РОМАНОВА (Ростов-на-Дону),
Юрий САФРОНОВ (Париж),
Валерия ФЕДОРЕНКО (Владивосток),
Ирина ХАЛИП (Минск)**

Группа выпуска:

**Анна ЖАВОРОНКОВА (арт-директор),
Алексей КОМАРОВ, Татьяна ПЛОТНИКОВА
(бильд-редакторы), Диана ГРИГОРЬЕВА,
Оксана МИСРОВА, Надежда ХРАПОВА,
Вероника ЦОЦКО (технические редакторы)**

WEB-редакция:

**Наталья ГЛУХОВА, Мария ЕФИМОВА,
Никита КОНДРАТЬЕВ
(редактор службы новостей),
Софья КРУГЛИКОВА, Александр ЛАВРЕНОВ,
Александра НОВИКОВА, Анастасия ТОРОП**

ДИРЕКЦИЯ

Алексей ПОЛУХИН
(генеральный директор
ЗАО «ИД «Новая газета»),

Владимир ВАНЯЙКИН
(управление делами),
**Ирина ДРАНКОВА,
Елена СЕДОВА**
(бухгалтерия),
Наталья ЗЫКОВА
(персонал),
Анжелика ПОЛЯКОВА
(реклама),

**Ярослав КОЖЕУРОВ,
Галина КАРАЛАШ,
Екатерина СЕДОВА**
(юридическая служба),

Валерий ШИРЯЕВ
(заместитель директора)

**Пресс-служба:
Надежда ПРУСЕНКОВА**

РЕДАКЦИЯ НОВОЙ ГАЗЕТЫ В СПБ

Учредитель и издатель: **ООО «МЕДИА.С-ПБ»**
СПб., 11-я линия, 66
Главный редактор: **Д. Л. КАЧАЛОВА**

Адрес редакции и издателя: 199048, Санкт-Петербург,
11-я линия, 66. ООО «Медиа.С-Пб».

Наша группа ВКонтакте: vk.com/noga_spb, тел. 331-71-82

Подписной индекс:

ПР633

Газета зарегистрирована Управлением Федеральной службы по
надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 78-01130 от 18 мая
2012 г.

Общий тираж — **222 250 экз.**

Тираж сертифицирован
Novayagazeta.Ru — **19 200 000** просмотров за март 2021 г.

Тираж одного номера
в СПб — 2340 экз.

«Новая газета» зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере
массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС 77-24833 от 04 июля 2006 г.

Учредитель и издатель: ЗАО «Издательский дом «Новая газета». Редакция:
АНО «Редакционно-издательский дом «Новая газета». Адрес: Потаповский пер., д. 3, Москва, 101000.

© ЗАО «ИД «Новая газета», АНО «РИД «Новая газета», 2021 г.

Любое использование материалов, в том числе путем перепечатки, допускается только по согласованию с редакцией.
Ответственность за содержание рекламных материалов несет рекламодатель. Рукописи и письма, направленные в Редакцию,
не рецензируются и не возвращаются. Направление письма в Редакцию является согласием на обработку (в том числе
публикацию в газете) персональных данных автора письма, содержащихся в этом письме, если в письме не указано иное

Заказ №28. Типография ООО «Фирма «КУРЬЕР», СПб, Благодатная ул., 63.
Срок подписания в печать по графику: 19.30, 29.04.2021 г.
Номер подписан: 19.30, 29.04.2021 г. Время подписания номера в печать в СПб: 23.00,
29.04.2021. Уважаемые читатели! Просим всю корреспонденцию присылать
по адресу: 199048, Санкт-Петербург, 11-я линия, 66. ООО «Медиа.С-Пб».